

18+

Солёные условия

Абдельгауад Мустафа

Мустафа Абдельгауад

Солёные условия

«Издательские решения»

Абдельгауад М.

Солёные условия / М. Абдельгауад — «Издательские решения»,

Клара Вейл умеет спасать убыточные отели и уходить раньше, чем работа становится личной. Получив шестинедельное задание в старом прибрежном отеле «Харбор-хаус» в Массачусетсе, она ждёт точных расчётов, трудных решений и быстрого возвращения в Нью-Йорк.

Содержание

СОЛЁНЫЕ УСЛОВИЯ	6
АННОТАЦИЯ	6
Глава 1. Назначение	7
Глава 2. Правила владельца	11
Глава 3. Линии разломов	14
Глава 4. Комната 214	17
Глава 5. После часов	20
Глава 6. Фотография	23
Глава 7. Лучшее предложение	26
Глава 8. Порог	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Солёные условия

Мустафа Абдельгауд

© Мустафа Абдельгауд, 2026

ISBN 978-5-0071-1577-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОЛЁНЫЕ УСЛОВИЯ

Современный роман

abdelgauad moustafa

АННОТАЦИЯ

Клара Вейл умеет спасать убыточные отели и уходить раньше, чем работа становится личной. Получив шестинедельное задание в старом прибрежном отеле «Харбор-хаус» в Массачусетсе, она ждёт точных расчётов, трудных решений и быстрого возвращения в Нью-Йорк.

Вместо этого Клара встречает Джулиана Мерсера — сдержанного владельца, который пытается сохранить каждую комнату, каждое воспоминание и каждую семейную рану. Их притяжение мгновенно, но одного притяжения недостаточно, когда отель теряет деньги, прошлое не отпускает, а время заканчивается.

«Солёные условия» — чувственный современный роман о втором шансе, доверии, которое приходится заслуживать, и смелости строить будущее, не отрекаясь от прошлого.

Глава 1. Назначение

Маркус выбрал ресторан без тени.

Это было первое, что заметила Клара Вейл, когда опоздала на двенадцать минут, ее траншейное пальто, сложенное над одной рукой. В комнате был весь бледный камень и низкий золотой свет, каждый стол, расположенный достаточно далеко от соседнего, подразумевал конфиденциальность, не предлагая ничего. Человек мог бы здесь признаться и все равно быть замеченным всеми.

Маркус поднялся, увидев ее. Он был красив в чистом, дорогом образе людей, которые рано поняли, что мир будет располагаться вокруг них. В его военно-морском костюме не было видимой складки. Его выражение было отрепетировано для беспокойства.

«Клара».

«Маркус». Она сидела напротив него, не снимая пальто. Вы сказали, что это важно.

«Это так». Он взглянул в сторону официанта, парящего на цивилизованном расстоянии. Вы любите вино?

«Нет».

Его пальцы оседали возле стакана с водой. Свадебный браслет мягко мелькнул у него на левой руке. Клара провела девятнадцать месяцев, замечая это кольцо и делая вид, что оно ничего не говорит о ней.

«Я разговаривал с Еленой», — сказал он.

Приговор приземлился с тупой фамильярностью. В своих отношениях Маркус всегда разговаривал с Еленой. О детских летних планах, о том, как его отсутствие начало вызывать у нее подозрения, о том, не повредит ли расставание репутации его фирмы. Он говорил с ней, как будто брак был заседанием комитета, и Клара была тем пунктом, который он надеялся перейти к концу повестки дня.

«А?» — спросила Клара.

У нее был трудный год.

«Маркус».

Он понизил голос. Я не говорю, что ничего не изменится. Я говорю, что мне нужно больше времени».

Самое странное, что Клара больше не чувствовала себя шокированной. Месяцы назад просьба могла прорваться через нее как крючок. Сегодня она только устала. Город за высокими окнами был пронизан дождем, такси скользили по Мэдисон-авеню в красно-белых отражениях. Казалось, что каждую пятницу вечером она сдавалась на работу, или ему, или какой-то договоренности, которая обещала награду за терпение.

«Сколько еще?»

«Я не знаю».

Вот оно было. Честность, наконец, лишилась своего более красивого языка.

Клара немного вздохнула и положила обе руки на стол. «Тогда я делаю».

Его лицо изменилось. «Что это значит?»

Это значит, что я закончил.

Клара, не превращай это в сцену.

Смех почти ускользнул от нее. «Я сижу в ресторане в пальто. Если вам это кажется сценой, ваши стандарты стали очень деликатными».

Ты знаешь, как сильно я забочусь о тебе.

Я знаю, что вы заботитесь о том, чтобы иметь часть вашей жизни, которая ничего не спрашивает у вас. Она стояла, прежде чем он смог ответить. «Это тоже была моя ошибка. Я

согласился на эту роль, поскольку она позволяла мне чувствовать себя избранным, не требуя, чтобы кто-то выбирал меня».

Он потянулся за запястьем, затем остановился, прежде чем прикоснуться к ней. Возможно, это был прогресс. Возможно, это просто боязнь быть замеченным.

«Куда ты идешь?» — спросил он.

«Домой».

Но когда Клара ступила на мокрый тротуар, слово показалось неточным.

Ее квартира в Челси была тихой, красивой и полной предметов, которые она выбрала, потому что они не требовали объяснений: серый шерстяной диван, полки художественных книг, узкий стол из грецкого ореха, обращенный к кирпичной стене. Она положила пальто на стул, скинула обувь и встала в центре гостиной, не включив свет.

Ее телефон зазвонил, прежде чем она смогла решить, плакать ли, спать или открыть ноутбук, который она сказала себе, что не будет трогать сегодня вечером.

Имя Норы Белл осветило экран.

Клара ответила на втором ринге. Если речь идет о собственности Aspen, я уже сказал владельцам, что пожарная сигнализация не является возможностью брендинга.

Смех Норы был теплым и низким по телефону. Я упустила эту особую сладость в вашем голосе.

«Нора».

У меня есть проект.

Клара прислонилась к столу. «Ты всегда делаешь».

«Шесть недель. Возможно, меньше, если вы сможете совершить одно из своих чудес. Исторический прибрежный отель в Массачусетсе. Красивые кости, плохие цифры, владелец, который считает, что каждый расход — это семейная реликвия».

«Звучит очаровательно».

«Это очаровательно. Вот в чем проблема. Харбор Хаус сорок лет был любим и десять лет плохо управлялся. Правление хочет провести внешнюю оценку, прежде чем они решат, следует ли продавать».

Клара знала, что такое работа. Она была хороша в этом, потому что у нее не было эмоциональной привязанности к чему-либо прошлому. Она могла зайти в утешающую гостиницу или когда-то гламурный ресторан и определить в течение нескольких часов точный момент, когда ностальгия начала маскироваться под стратегию.

«Кто им владеет?»

Джулиан Мерсер.

«Фотограф?»

«Бывший фотограф. Его отец купил отель в восьмидесятых годах. Джулиан унаследовал наследство после смерти отца. Он держит это место на плаву силой воли и очень мало спит».

Клара сфотографировала название из старых галерейных программ: изображения зон бедствия Мерсера, черно-белые фотографии, которые заставили критиков использовать такие слова, как «непоколебимый». «Почему я?»

«Потому что мне нужен кто-то, кто может говорить правду, не принимая жестокость за интеллект. И потому что тебе нужно уехать из Нью-Йорка на пять минут».

Я постоянно уезжаю из Нью-Йорка.

«За работу. Это не считается».

Клара посмотрела в окно на дождь, размывший горизонт. Она могла бы рассказать Норе о Маркусе. Вместо этого она сказала: «Отправьте мне файл».

В воскресенье вас заберет машина.

Я не сказал «да».

«Вы не сказали нет».

Досье пришло двадцать минут спустя. Клара прочитала его со стаканом воды в руке, а в квартире все еще выключены огни. Харбор-Хаус был открыт в 1907 году, широко раскинутое здание на полосе побережья Массачусетса под названием Астер-Бей. В нем было восемьдесят два зала, бальный зал, ресторан, который когда-то славился своими летними закусками, и достаточно долгов, чтобы цифры выглядели смущенными.

Фотографии были почти несправедливы. Длинное крыльцо, обращенное к морю шиферного цвета. Окна горячо светились на фоне синего приближающегося шторма. Столовая с выветренными дубовыми полами и старыми латунными брассами. Красота, думала Клара, часто была самой дорогой ответственностью из всех.

В воскресенье днем она ехала на север через дождь, который, казалось, был нацелен на стирание дороги.

Астер-Бей появился поздно, спрятанный между изогнутыми ветром соснами и гаванью, переполненной маленькими лодками. ОТЕЛЬ поднялся в конце низкого холма, его белая отделка потемнела от погоды, его обернутое крыльцо приняло всю силу океанского ветра. Знак возле привода гласил ****HARBOR HOUSE**** в выцветших позолоченных буквах.

Клара припарковалась и села на мгновение обеими руками на колесо.

Шесть недель, сказала она себе. Содержательное задание. Разрешимая проблема.

Внутри лобби было тише, чем должно было быть в воскресенье в мае. Дождь постучал в высокие передние окна. Женщина за столом — серебристо-волосая, остроглазая и безошибочно Нора — взглянула из стопки гостевых фолиантов.

«Клара Вейл», — объявила Нора, как будто комната ждала названия. Вы выглядите преступно хорошо отдохнувшим для того, кто только что проехал через эту погоду.

«Я питаюсь от ярости и кофе для отдыха». Клара обошла стол, чтобы обнять ее.

Громкая металлическая авария прозвучала где-то за пределами зала. За ним следовал мужской голос, низкий и лаконичный.

Улыбка Норы стала сложной. «И это, — сказала она, — будет Джулиан».

Они нашли его возле северного коридора, стоящего под капающим потолком с лестницей в одной руке и ведром в другой. Он был выше, чем ожидала Клара, темноволосый, его белая рубашка катилась к локтям. Вода потемнела на одном плече. Он повернулся к представлению Норы с выражением человека, который был прерван проблемой, которую он намеревался победить лично.

«Мисс Вейл», — сказал он.

Мистер Мерсер.

Джулиан.

«Клара».

На одну подвешенную секунду дождь казался громче. Глаза у него были не совсем голубые, не совсем серые. Ее приняли быстро, не грубо, а с настороженностью кого-то, привыкшего оценивать ситуацию до того, как она обострилась.

«Ваша комната готова», — сказал он. Западное крыло сухое.

Что случилось с восточным крылом?

«Старая труба».

Это официальный диагноз?

Мерцание веселья пересекло его лицо. Это до тех пор, пока водопроводчик не даст мне более дорогую.

Нора взяла сумку Клары с острым взглядом в сторону лестницы. «Я покажу тебе».

Клара последовала за ней, зная, что Джулиан возвращается к утечке за ними. На втором этаже ее комната вышла на океан. У него были высокие потолки, выцветший синий ковёр и нежно грохочущие в кадрах окна. На столе стояла чаша с зелеными яблоками и рукописная карточка Норы.

Не путайте красивое со здоровым, — говорится в сообщении. *Но не путайте это ни с чем.*

К тому времени, когда Клара распаковалась, дождь смягчился до тумана. Она стояла у окна, наблюдая, как море стирает себя у горизонта.

Отель был ранен. Она уже могла это видеть. В зале внизу скрипнула старая доска. Где-то дверь захлопнулась с полым знакомым звуком.

Клара прижала ладонь к прохладному стеклу.

Она не влюбилась в какое-то место. Она не была понята ее владельцем. Она пришла, чтобы выступить с докладом, дать рекомендацию и уйти, пока история не стала сложной.

Снаружи океан не дал никаких признаков того, что слышал ее.

Глава 2. Правила владельца

На следующее утро, в семь-тридцать, в Харбор-хаусе пахло кофе, лимонным лаком и морем.

Клара нашла Джулиана в столовой, отодвигая стулья от окна, где в тонкой серой вуали собралась конденсация. Он превратился в угольный свитер и темные джинсы, которые должны были сделать его менее похожим на человека в центре чрезвычайной ситуации. Вместо этого он выглядел более расселённым в старой комнате, чем любая мебель.

«Вы рано», — сказал он.

Меня называли хуже.

Он поставил стул. «Завтрак»?

«Первый тур».

Его рот приподнялся на одном углу. «Это еще хуже».

Все началось с лобби. Клара задавала вопросы в быстром, даже ритмичном режиме: заполняемость по сезонам, средняя продолжительность пребывания, капитальные затраты, каналы бронирования, текучесть кадров. Джулиан ответил на большинство из них без защиты, что удивило её. Он знал каждую цифру, хотя часто следовал ей с причиной, по которой номер не рассказывал всей истории.

«Сорок три процента в феврале», — сказала она, взглянув на планшет в руке.

Февраль на побережье очень сложный.

«Февраль везде труден. Именно поэтому для этого планируются выгодные отели».

Мы ведем переговоры.

«Тогда продавайте бури».

Он посмотрел на нее. «Продавай бури».

«Огни, глубокие ванны, хорошая еда, причина находиться в помещении. Люди в городе платят за неудобства, если вы называете это восстановлением».

Впервые он улыбнулся без оглядки. Это изменило его лицо настолько, что Клара ненадолго возмутилась.

Улыбка исчезла, когда они добрались до бального зала.

Двери открылись в длинной тусклой комнате с высокими арками и потолком, окрашенным в шелушащуюся золотую свитку. Пыль смягчила края сложенных столов. В дальнем конце роспись парусников и бледно-голубой воды проходила по длине стены, ее цвет дренировал, но все еще упорно виден.

«Это прекрасно», — сказала Клара.

«Это было».

«Это так».

Выражение Джулиана было закрыто. Бальный зал не является частью оценки.

«Почему нет?»

Потому что он не продается.

«Ничего не продается?»

Я имею в виду, что это не переменная.

Клара повернулась к нему. «Балл-рум большую часть года пустует, стоит вам денег на отопление и может стать основным источником дохода, если он будет восстановлен. Это, по определению, переменная».

Это также место, где мои родители были женаты.

Было несколько возможных ответов. *Извините, было бы легко. Это не изменило бы финансовую реальность, это было бы правдой. Клара тоже не выбрала.

«Тогда это имеет значение», — сказала она. «Это полезная информация».

Взгляд его обострился, словно он ожидал другого ответа и не доверял тому, что она дала. Они шли дальше.

Гостевые комнаты были уроком непоследовательности. Некоторые из них были со вкусом освежены льняными шторами и бледными стенами; другие принадлежали к другому десятилетию, все цветочные покрывала и темная резная мебель. Один люкс имел великолепный вид на гавань и ванную комнату, трубы которой стонали, как раненое животное.

«Кто принимает решения о комнатах?» Клара спросила.

«Я и Нора».

Кто решает, какие из них будут обновлены?

«Обычно, у кого есть проблема в первую очередь».

«Это не план».

Это старый отель.

Старые отели имеют свои планы.

Он остановился возле комнаты 214. Вы думаете, что это просто.

«Нет». Ее голос остыл. «Я думаю, что это трудно. Вот почему я заряжаю то, что заряжаю».

Молчание между ними заряжалось менее приятным образом.

Джулиан открыл дверь комнаты. Внутри солнечный свет падал на выцветший розовый ковер и узкую латунную кровать. Вид был не что иное, как вода. Штормовая линия сидела темно на краю горизонта, но ближе в бухте сияла тихим, металлическим синим.

«Мой отец говорил, что это была комната, которую люди помнили», — сказал Джулиан.

«Он был прав?»

«Да».

«Давайте выясним, почему».

Он взглянул на нее, потом прочь. Вы можете взять файлы сегодня днем.

Спасибо.

«Я не согласен с тобой».

«Я не говорил, что у вас есть».

За обедом Клара сидела с Норой в заднем углу ресторана. Было занято всего три стола. Пара в походном снаряжении делила чаудер у окна, а пожилой мужчина читал газету, пока сервер наполнял его кофе.

«Он ненавидит, что вы правы», — сказала Нора, смазав кусок хлеба со спокойной точностью.

«Он едва меня знает».

Он знает достаточно, чтобы распознать угрозу.

Я не являюсь угрозой.

Нора посмотрела на нее.

Клара вздохнула. «Хорошо. Я представляю собой угрозу для определенного рода нерешительности».

Джулиан был здесь восемь лет, и каждый год кто-то говорил ему, что отель будет лучше, если он сам сделает его меньше.

«Будет ли это?»

«Нет. Но оно может выжить, если он перестанет считать выживание и сохранение идентичными».

Клара попробовала порошок. Он был превосходен — яркий с травами, богатый, не будучи тяжелым. «Кто готовит?»

«Матео Руис. Он пытался убедить Джулиана позволить ему изменить меню ужина в течение двух лет».

«Почему он этого не сделал?»

Потому что Джулиан беспокоится, что гости пропустят старое меню.

«Гости это заказывают?»

Нора улыбнулась. Теперь вы снова думаете как консультант.

В тот день Клара вернулась в номер 214 одна. Она не открывала электронную таблицу. Вместо этого она стояла у окна и смотрела, как небольшая рыбацкая лодка медленно пробирается через гавань. Комната была испорчена, объективно. Но недостатком был не возраст мебели или трещина в штукатурке над шкафом.

Недостатком было то, что никто не решил, какое чувство комната должна создать сейчас.

На прикроватном столике под запятанной лампой лежала гостевая книга. Новейшей записи было две недели. В петляющих синих чернилах кто-то написал: Мы пришли сюда, когда не знали, как разговаривать друг с другом. Море сделало кое-что для нас.

Клара прочитала предложение дважды.

Внизу, дверь закрыта. Вдоль зала гремела телега. Харбор Хаус продолжал свою тихую, нестабильную жизнь вокруг нее.

Когда в тот вечер она вернулась в свою комнату, за дверью ждала толстая папка. Финансовая отчетность, журналы технического обслуживания, отчеты о заработной плате, данные бронирования, все связано с аккуратным черным клипом.

Наверху сидела площадь канцелярских принадлежностей отеля.

Вы были правы насчет переменных, — написал Джулиан.

Никакой подписи. В этом не было необходимости.

Клара унесла папку внутрь, поставила на стол и снова посмотрела на море. Солнце опускалось за берег облака, на короткое время превращая воду в медь.

Мужчина, готовый предоставить ей данные после ссоры, был либо необычайно рациональным, либо более сложным, чем она предполагала.

Она сказала себе, что это не ее дело.

Глава 3. Линии разломов

К среду Клара построила карту проблемных мест в гавани в трех цветах.

Красный означает немедленный риск: котел, работающий до конца своего разумного срока службы, три комнаты, которые были удалены из инвентаря из-за повторяющихся утечек, счета-фактуры поставщиков оплачены достаточно поздно, чтобы напрячь отношения. Желтый означает деньги, потерянные из-за привычки: система бронирования, разработанная, когда люди все еще звонили с домашних телефонов, пакеты на выходные, которые недооценивали лучшие комнаты, расписание персонала, построенное вокруг того, что всегда было сделано, а не того, что на самом деле требовалось гостям. Зеленый означает возможность.

Там было больше зелени, чем она ожидала.

Питание в ресторане было одним из примеров. Клара нашла Матео на кухне после обеда, стоящего над кастрюлей обшарпанных гребешков с выражением сфокусированного раздражения.

«Я на вашем пути?» — спросила она у двери.

«Вероятно». Он посмотрел вверх, потом усмехнулся. Но только потому, что все стоят на пути на такой маленькой кухне.

Он был стройным и быстроходным, с бородой с близкой кромкой и полотенцем, спрятанным в заднем кармане его черных брюк. Горшок кипел на плите, посылая запах фенхеля и бульона.

«Клара Вейл», — сказала она. Я пересматриваю операции.

«Соболезнования».

Я слышал, ты хочешь изменить меню.

Матео положил обе руки на стойку. «Я хочу готовить еду, за которой люди ездят. Сейчас я готовлю еду, которую помнят их бабушки и дедушки».

«У вас есть предложение?»

«Три из них».

«Отправьте их мне».

Его брови поднялись. Это было проще, чем я ожидал.

Я не тот человек, которого вы должны убедить.

«Нет», — сказал он, глядя на качающуюся кухонную дверь. Но вы можете быть человеком, который делает это возможным.

Фраза смутно сидела с ней. Клара не верила в спасителей. Она верила в доказательства, рычаги давления и сотрудников, которым были даны достаточные полномочия, чтобы показать, что они могут сделать. Тем не менее, когда Матео рассказала о местных рыбаках, о месячном столе шеф-повара и меню, которое следовало за побережьем, а не ламинированной традиции, она почувствовала первый чистый пульс волнения, который у нее был с момента прибытия.

Позже она нашла Джулиана в вестибюле, когда он разговаривал с молодой экономкой по имени Ким. Отец Ким заболел, и ей нужно было поменяться двумя сменами. Джулиан без перерыва выслушал, спросил о больнице и сказал: «Возьмите завтра. Мы это прикроем».

Это был небольшой обмен. Это ничего не изменило в таблице Клары. Но когда Ким ушла, ее плечи заметно облегчились, Клара поняла, почему сотрудники остались, даже когда денег было мало.

«Вы должны назначить управляющего этажом», — сказала Клара.

Джулиан повернулся. Добрый день вам тоже.

«Добрый день. Вы лично одобряете изменения в каждом графике ведения домашнего хозяйства».

Потому что я знаю персонал.

Вы также просматриваете поставки белья, отвечаете на гостевые электронные письма и фиксируете утечки труб.

«Я знаю, что я делаю».

Тогда вы знаете, что создаете систему, которая не может функционировать, если вы спите в течение восьми часов.

Его челюсть затянулась. Нора послала тебя читать мне лекции?

«Нет. Я пробыл здесь три дня».

Тогда, возможно, вам следует потратить больше времени на наблюдение, прежде чем решить, что нужно изменить.

Клара почувствовала знакомый ей подъём тепла в груди. Ее работа помещала ее в комнаты, полные мужчин, которые хотели решительных ответов и возмущались женщинами, которые их давали. Давным-давно она научилась не путать эту жару с поводом отступить.

«Я видел, как вы справлялись со своими обязанностями». «Я видел, как вы приняли великодушное решение. Я также заметил, что она должна была прийти к вам, потому что никому больше не доверяют. Ты не подводишь своих сотрудников, Джулиан. Вы делаете себя незаменимым для них. Это не одно и то же».

На мгновение он ничего не сказал. Над ними тикали часы вестибюля.

Голос Норы прозвучал из-за стола. Если кто-то из вас собирается сжечь здание, пожалуйста, дайте мне достаточно уведомления, чтобы эвакуировать гостей.

Джулиан выдохнул через нос. Сначала Клара отвернулась, но только потому, что у нее была работа.

В тот вечер она написала свой предварительный диагноз в документе, который она назвала «Харбор-хаус: стабилизация и оценка обновления». Первый абзац занял больше времени, чем следовало.

Проблема Harbor House не в том, что она стала неактуальной. Его задача состоит в том, чтобы его операционная структура не развивалась с той же скоростью, что и его репутация.

Она остановилась, пересмотрела и продолжила.

К десяти годам небо стало черным за ее окном. Ее стол был переполнен бумагами, и ее плечи дрожали от сторбления вперед. В дверь раздался стук.

Нора вошла, неся две чашки чая.

«Я подумала, что вы, возможно, забыли, что людям нужны жидкости», — сказала она.

«У меня был кофе».

«Это не жидкость. Это моральный провал».

Клара приняла кубок. Вы знали, что он возненавидит доклад.

Я знал, что он будет ненавидеть это.

Он думает, что я пытаюсь отобрать у него отель.

«Ты есть?»

«Нет», — взглянула Клара на открытые страницы. Я пытаюсь дать ему шанс выжить.

Нора однажды рассмеялась не потому, что это было смешно. Именно в этом и заключается проблема.

Они сидели в двух креслах у окна, глядя на темную территорию. Нора была первым руководителем Клары более десяти лет назад, когда Клара была младшим аналитиком с острыми локтями и тенденцией отвечать на каждый вопрос, как будто это была атака.

«Вы всегда верили, что чистый ответ может спасти человека», — сказала Нора.

Это может спасти бизнес.

«Иногда».

Клара посмотрела на нее. «Ты думаешь, я ошибаюсь?»

«Я думаю, что вы превосходны. Я также думаю, что превосходство — это одинокая вещь, если использовать его как стену».

Старый инстинкт поднялся сразу: отрицать, отклонять, становиться бодрым. Клара держала чай между руками.

«Я не знаю, что вы имеете в виду», — сказала она.

«Конечно, вы делаете».

После ухода Норы Клара вернулась к документу. Она прочитала последнюю страницу, добавила раздел о делегированном руководстве, затем распечатала отчет.

Зал был пуст, когда она понесла его вниз. Свет сиял под дверью кабинета Джулиана. Она не могла слышать движения внутри.

На одну безрассудную секунду она задумалась о стуке. Не потому, что она хотела спорить. Не потому, что она хотела извиниться. Потому что она хотела знать, что будет делать его лицо, когда он прочитает что-то, что она написала.

Вместо этого она сдвинула отчет под дверь.

Бумага исчезла в тонкой линии света.

Клара стояла там, слушая тишину с другой стороны, затем повернулась и вернулась наверх, прежде чем она смогла принять решение менее чистым.

Глава 4. Комната 214

Звонок поступил в одиннадцать-пятнадцать утра в субботу, так же, как Клара объясняла Норе, почему веб-сайт отеля не должен описывать свадебный номер как «благоприятную обстановку для женских снов».

Зазвонил телефон передней панели. Нора ответила, прослушала меньше десяти секунд и прикрыла приемник.

«Комната 214», — сказал он. «Вода через потолок. Невеста в ванной. Церемония проходит в два часа».

Клара уже двигалась.

Зал второго этажа стал коридором тревоги. Вода постоянно капала из шва над дверью комнаты 214. Группа подружек невесты стояла возле лестницы в соответствующих одеждах, держа в руках сумки для одежды и говоря напряженными, высокими голосами людей, пытающихся не паниковать.

Джулиан стоял на коленях на полу рядом с открытой коммунальной панелью. Его свитер снова промок на плече, как будто отель решил, что это его естественное состояние.

«Верхняя труба», — сказал он, не глядя на Клару. «Техническое обслуживание отключает его».

Можно ли спасти комнату?

Не перед церемонией.

Женщина в белом шелковом халате вышла из комнаты 214. Она была молода, покраснела и очень близка к слезам. Вода скопилась возле окна, замачивая подол ее сумки для одежды.

«Этого не может быть», — сказала она. Моя бабушка вышла замуж здесь. Мои родители остались в этой комнате на медовый месяц. Мы забронировали его из-за вида».

Мать стояла рядом с ней, уже держа телефон. Если у вас нет другого люкса, мне нужно сообщить планировщику, что мы переносим все мероприятие.

«Вам не нужно этого делать», — сказала Клара.

Джулиан посмотрел вверх. «Клара» —

«У нас есть комната 312», — продолжила она, выступая перед невестой. «Он больше, сухой и имеет гостиную, где ваша вечеринка может быть готова вместе. Мы перенесем все для вас. Фотограф может использовать консерваторию для портретов — там свет лучше, особенно с этим облачным покровом».

Невеста выглядела неуверенно. «Но взгляд...»

«Вид с 312 — это гавань. Из огорода вы получите воду и сады. И если хотите, я могу установить небольшой столик в окне столовой для частного первого взгляда. Никакие другие гости не будут там до обеда».

Мать нахмурилась. «Кто ты?»

Клара Вейл. Я работаю с отелем».

«Мне нужны гарантии».

«Они у вас есть. Нора позаботится об обновлении и любых расходах. Я сам займусь логистикой».

Нора, все еще по телефону, дала Кларе короткий кивок. Джулиан уставился на нее на полбита, потом встал.

«Я получу колокольный штаб», — сказал он.

«Хорошо. Мне нужны три стойки для одежды, полотенца в зале и кто-нибудь, чтобы позвонить флористу. Попросите их перенаправить доставку на 312».

Он ушел до того, как она закончила.

В течение следующих сорока минут отель двигался, как тело, реагирующее на шок. Клара управляла движением, поднимала коробки, успокаивала тетю, потерявшую обувь, и убеждала фотографа невесты, что погода сделает его снимки красивее, а не меньше. Матео присылал кофе, фрукты и теплую выпечку без спроса. Нора устроила бесплатный ужин для свадебной вечеринки. Джулиан появлялся каждые несколько минут именно с тем, что было нужно, потом снова исчезал.

В какой-то момент Клара обнаружила, что он тащит багажную тележку по залу с платьем невесты, тщательно задрапированным через его предплечье.

«Вы собираетесь поморщиться», — сказала она.

«Я не собираюсь морщиться».

Ваша уверенность не является протоколом по уходу за тканью.

Его рот подергался. «Куда это идет?»

Повесить его на шторку. Не дверь».

«Да, мэм».

Слова должны были раздражать. Вместо этого они носили теплые, частные края, которые поразили ее.

К тридцати годам комната 312 была преобразована. Цветы толпились в камине. Невеста стояла перед зеркалом, в то время как двое друзей корректировали завесу на затылке. Когда Клара шагнула к двери, невеста поймала ее за руку.

«Спасибо», — сказала она. Я думал, что весь день был разрушен.

«Это не так», — сказала Клара. Это просто отличается от плана.

Невеста улыбалась, слезы светлые, но уже не опасные. «Возможно, это лучше».

Внизу дождь прекратился. Свадебная вечеринка пересекла газон в сторону консерватории в дрейфе бледных платьев и темных костюмов. Через стеклянные стены гавань сияла серебром под небом, начинающим расчищаться.

Клара оставалась до тех пор, пока невеста не прошла по проходу. Затем она выскользнула из боковой двери в служебный коридор, где тишина ударила ее всех сразу.

Она прислонилась к стене и закрыла глаза.

Неплохо для тех, кто хочет продавать бури.

Она их открыла. Джулиан стоял напротив нее, по лбу у него падал влажный локон. Он выглядел уставшим, расслабленным и более открытым, чем она его видела.

«Я ничего не продавала», — сказала она. Я перестроил небольшую аварийную ситуацию.

Вы заставили людей почувствовать, что мы это спланировали.

«Это гостеприимство».

«Это ты».

На секунду ни один из них не двигался.

Коридор был узким. Воздух слабо пахнул мокрой шерстью и лимонным очистителем. Где-то за дверями началась музыка — скрипка, сперва пробная, потом уверенная.

Джулиан подошел ближе. Я читал ваш доклад.

Позвоночник Клары выпрямился. И что?

И я ненавижу это.

«Это не удивительно».

Затем я прочитал его снова.

Она ждала.

«Вы были правы в отношении структуры руководства», — сказал он. «И о веб-сайте. Это ужасно».

Это существенная уступка.

«Я пытаюсь расти».

Смех покинул ее прежде, чем она смогла его остановить. Казалось, это ему понравилось. Его взгляд ненадолго опустился на ее рот, затем вернулся к ее глазам. Никакой путаницы в нем не было. Это была опасная часть.

На щеку Клары упала рыхлая прядь волос. Джулиан поднял одну руку, остановился на дюйм от ее лица и посмотрел на нее, как бы задавая вопрос без слов.

Клара могла сказать нет. Возможно, она даже предпочла. Никакого порядка. Никаких последствий.

Вместо этого она держалась спокойно.

Кончики его пальцев почистили завиток за ухом. Прикосновение было легким, почти формальным, но ее тело замечало это повсюду. Его рука сразу же отвалилась.

«Спасибо», — сказал он, хотя она понятия не имела, что он имел в виду.

Затем Нора протолкнулась через служебную дверь, неся буфер обмена и вид восторженного раздражения.

«Мистер Мерсер, сантехнику нужна ваша подпись», — сказала она. «Госпожа Вейл, ваши гости на свадьбе спрашивают, можете ли вы перестроить их график сидений, потому что, по-видимому, вы теперь волшебники», — сказал он.

Клара отошла первой. «Я не волшебник».

Выражение Джулиана сместилось, не совсем вернувшись к охраняемой форме. «Нет», — сказал он. «Ты не такой».

Остальная часть дня прошла в ярком размытии, которое последовало за кризисом. Свадьба была красивой. Невеста смеялась во время обетов. Жених беззастенчиво заплакал раньше, чем кто-либо другой. Гости аплодировали, когда пара вернулась к проходу, и звук поднялся в старые стропилы консерватории, как то, что здание ждало, чтобы вспомнить.

Возле заката Клара стояла одна на крыльце со стаканом сверкающей воды. Дождь очистил территорию. Через лужайку Джулиан разговаривал с сантехником рядом с фургоном, одной рукой двигаясь в решительных, практических жестах.

Он посмотрел вверх, как будто почувствовал, как она смотрит.

Их глаза встретились на расстоянии.

На этот раз Клара не стала сразу отворачиваться.

Затем двери отеля открылись за ней, выпустив смех и музыку в солёно-темный воздух, и она повернулась к работе, ожидающей внутри.

Глава 5. После часов

Опись была идеей Джулиана, которую Клара нашла подозрительной.

«Вы добровольно вызвались?» Нора спросила, когда она увидела, как они собирают ключи от стола после ужина.

«Я совершил тактическую ошибку», — сказал Джулиан.

Клара сунула тяжелое кольцо ключей в карман пальто. Он собирается показать мне каждую комнату, которая, по его мнению, доказывает, что я не прав.

«Я никогда не думал об этом», — сказал Джулиан.

«Вы думали об этом в полных предложениях».

Нора показала им обоим преувеличенное терпение. «Постарайтесь не упасть сквозь пол. У третьего коридора есть мнения».

Они начали в старом восточном крыле, где комнаты были закрыты в течение двух лет в ожидании ремонта, который так и не попал на вершину списка. Джулиан нес фонарик. Клара носила с собой планшет и небольшую записную книжку, хотя перестала писать после первых трёх комнат.

Было мало смысла документировать то, что она чувствовала под своей обувью: пренебрежение. Старый ковер был потрепан бледными дорожками между дверными проемами и окнами. Дэмп перила обои в комнате 306. В комнате 309 однажды мерцала латунная лампа, как бы удивленная, когда ее попросили приложить усилия.

«Этому крылу нужно больше, чем косметическая работа», — сказала Клара.

«Я знаю».

Отсутствие аргументов заставило ее взглянуть на него. «Ты согласен?»

«Я могу договориться с людьми».

«Иногда?»

«В частном порядке».

Она улыбнулась, несмотря на себя. Луч фонарика слегка трясся, когда он двигал его, ловя изношенное золото обоев, старомодную морско-зеленую плитку в ванной комнате. Номера были не за пределами экономии. Они просто ждали, когда кто-то решит, принадлежат ли они прошлому или будущему.

В последней комнате, угловой люкс с двумя окнами, обращенными к воде, Джулиан остановился рядом с покрытой холстом формой возле стены.

«Что это?» — спросила Клара.

«Муралы».

«Почему это покрывается?»

Потому что он поврежден.

Это не мешает нам смотреть на что-то другое.

Он колебался, потом оттянул полотно. Надпись под ним показывала гавань летом, паруса, окрашенные в свободные, яркие штрихи. Одна секция вспыхнула от повреждения водой, оставив рану бледной штукатурки в центре неба.

«Она была написана женщиной по имени Элоиза Парк», — сказал он. «Она оставалась здесь одно лето в девятнадцати тридцатых годах. Мой отец нашел письма от нее в архивах. Она окрасила три комнаты в обмен на доску».

Клара подошла ближе. Почему этого нет в истории отеля?

Потому что ее никто не помнит.

Тогда они должны.

Он смотрел, как она смотрит на фреску. «Вы составляете список».

«Я всегда составляю список».

«Что это говорит?»

Пока нет.

Он прислонился к оконной раме. Вы знаете, что можете сказать идею вслух, прежде чем вы ее доведете до совершенства.

Клара повернула голову. С медицинской точки зрения это небезопасно.

Его смех был тихим, почти удивленным. Оно поселилось в комнате более тепло, чем слабый свет лампы.

К полуночи они перешли на первый этаж и закончили на маленькой столовой. Матео оставил крытую тарелку в холодильнике с запиской, которая гласила: «Для людей, которые думают, что бумажная работа — это группа продуктов».

Джулиан обнаружил две порции макарон с жареными помидорами и крабом. Клара нашла тарелки. Они ели за рубцовым деревянным столом у задней двери, здание вокруг них наконец-то застыло.

«Это хорошо», — сказала она.

Матео будет невыносим, если услышит, как ты это говоришь.

«Он должен быть. Это серьезное достижение».

Джулиан медленно скрутил вилку в руке. Он хочет новое меню.

«Я знаю».

«Он сказал тебе».

«Он показал мне. Есть разница».

Он так думал. Я боюсь, что люди придут сюда и подумают, что мы изменили все, что они любили.

«Люди меняются», — сказала Клара. Они обычно не перестают любить что-то, потому что это становится более живым.

«Это то, что вы думаете об этом месте? Меньше живых?»

Она посмотрела через маленькое квадратное окно над раковиной. Огни гавани были отдаленными и размытыми. Я думаю, что он затаил дыхание.

Джулиан ответил не сразу.

«Мой отец купил Харбор Хаус, когда мне было шесть лет», — сказал он. «Он говорил, что отель — это обещание, которое ты дал незнакомцам. Они принесли с собой все, что не смогли уложить дома. Вы дали им чистую комнату, хорошую еду и достаточно тихо, чтобы помнить, что они все еще сами по себе».

Нежность в его голосе заставила Клару отложить вилку.

«Это хорошее обещание», — сказала она.

«Это может быть дорого».

«Таков провал».

Его глаза встретились с ее. Юмор между ними истончился во что-то более осторожное.

«Вы действительно не любите оставаться где-то надолго?» — спросил он.

Вопрос был слишком близок к истине, чтобы быть случайным.

«Мне нравится знать условия», — сказала Клара. «Шесть недель. Определенная цель. Дата в календаре, когда я возвращаюсь к своей реальной жизни».

«И это не реально?»

«Это работа».

«Это был не мой вопрос».

Она должна была отклониться. Она построила карьеру, превращая прямые вопросы в лучшие. Тем не менее, на кухне было тепло, слишком поздно для выступления, и Джулиан выглядел так, как будто он спрашивал, потому что искренне хотел понять.

«Моя мама много двигалась», — сказала Клара. «Не драматично. У нас всегда было место для сна. Но она влюбилась в новое начало. Новые города, новые рабочие места, новые люди,

которые будут другими. В конце концов я решил, что единственный человек, на которого я хочу положиться, это я».

Выражение Джулиана не смягчилось с жалостью. Она ценила его за это.

«Это сработало?» — спросил он.

«Да».

И что?

Клара сделала глоток воды. И это очень эффективно.

Он посмотрел вниз, слабо улыбаясь. «Это не то же самое, что хорошо».

«Нет», — сказала она. «Это не так».

Когда они наконец покинули кухню, зал казался уже, чем прежде. Джулиан отвел ее в свою комнату. У двери Клара взяла ключ из кармана и почувствовала, как его внимание оседает на движении ее руки.

«Спасибо за инвентаризацию», — сказала она.

«Спасибо, что вы не написали „уничтожить все“ в своих заметках».

Возможно, я использовал более мягкий глагол.

Он улыбнулся. Молчание между ними уже не было неловким. Это была активная вещь, которую держали оба.

Взгляд Джулиана дрейфовал к ее рту и вернулся, не скрывая, где он был.

Клара почувствовала пульс в горле. Она могла бы пригласить его. Она могла бы сделать выбор, который был бы легким в прямом смысле и невозможным любым другим способом.

Вместо этого она сказала: «Спокойной ночи, Джулиан».

Спокойной ночи, Клара.

Он отступил, прежде чем она открыла дверь.

Внутри она прислонилась к дереву и закрыла глаза. Ничего не случилось. Это была точная, отягчающая проблема.

Она потратила годы, чтобы стать квалифицированной в отъезде. Сдержанность Джулиана Мерсера заставила ее чувствовать себя менее безопасно, чем увертюра.

Глава 6. Фотография

На следующий день из моря пронёсся дождь, и каждое окно в гавани превратилось в стирку из серебра.

Клара попросила Нору предоставить архивные фотографии в поддержку плана обновления. Нора отправила её в хранилище под старой библиотекой с ключом, предупреждением о пыли и без упоминания Джулиана.

В комнате пахло кедром, бумагой и слабым минеральным запахом сырого камня. Полки поднимались по стенам. Коробки были помечены точным почерком Норы: «Менус, 1978—1986». *Нажмите вырезки. *Летние гости. * *Предложения по обновлению — отменены.*

Клара нашла нужные ей изображения в плоском портфолио возле спины. Были фотографии отеля в его ранней жизни: пары, танцующие в бальном зале; дети, мчащиеся вдоль крыльца в полосатых купальниках; официанты в белых куртках, несущие серебряные подносы через столовую. Гости менялись десятилетие за десятилетием. Удовольствий на их лицах не было.

За портфелем сидел черный ящик без ярлыка.

Она знала, что должна оставить это в покое. Она все равно его открыла.

Первая фотография показала мальчика на разрушенной улице, держащего в обеих руках красный пластиковый грузовик. В следующем показаны две женщины, курящие под обвалившимся тентом. Изображения не были сенсационными. Они были тяжелее этого. Они были близки. Они попросили зрителя увидеть людей не как свидетельство катастрофы, а как людей, пойманных в ней.

Работы Джулиана.

Клара видела репродукции в журналах много лет назад. Она не ожидала их тишины. На одном из изображений фигура стояла, отражаясь в зубчатом стекле разбитого окна, камера поднималась, лицо почти закрывалось. В другом мужчина сидел на краю больничной койки с неподвижными ботинками, с открытыми руками на коленях.

В нижней части коробки лежала фотография Астер Бэй. Гавань была пуста под белым зимним небом. Дом гавани стоял на дальнем краю рамы, его огни тусклые, но видимые. Фотография была сделана из воды.

«Вы их нашли».

Клара повернулась слишком быстро. Джулиан стоял в дверном проеме, одна рука все еще на раме.

«Я искала архивы гостиниц», — сказала она. Эта коробка была за ними. Я должен был спросить».

Он вошел в комнату, но не сделал с нее фотографий. «Нет. Ты должен был.

Резкость в его голосе была заслуженной. Клара тщательно опустила изображение. «Мне жаль».

На мгновение единственным звуком был дождь, движущийся через окна подвала.

Затем Джулиан сел на край низкого рабочего стола. Какой из них?

«Харбор».

Я взял это, когда вернулся.

«После смерти отца?»

Он кивнул.

Клара не спросила, что заставило его перестать фотографировать войну. Она узнала, что люди часто отвечали на вопросы, которые еще не были готовы услышать.

«Он присылал мне фотографии отеля, когда меня не было», — рассказал Джулиан. «Неправильные мнения. Сломанный побег. Завтрак перед восходом солнца. Однажды, фотография чайки, крадущей бублик с крыльца».

Клара улыбнулась, несмотря на себя. «Была ли чайка успешной?»

«Полностью». Его выражение сместилось, смягчилось памятью. «Когда он заболел, я сказал себе, что временно возвращаюсь. Я бы все устраивал, нанимал кого-нибудь, возвращался к работе».

Но ты остался.

«Я остался».

«Потому что ты хотел?»

Джулиан посмотрел на фотографию вместо нее. Я не уверен, что желание имело к этому какое-то отношение.

Ответ был честным, что вызвало боль в груди Клары.

Она коснулась края стола, а не его. «Вы не должны говорить мне больше».

«Я был в Алеппо, когда пострадал мой коллега», — сказал он. Мы прикрывали эвакуацию. Был взрыв. Я помню, как смотрел на него на земле и думал, что должен сделать фотографию, потому что это было то, что я должен был сделать».

Его рука закрылась вокруг края рабочего стола.

«А потом?» — тихо спросила Клара.

«А потом я опустил камеру. Я помог ему выбраться. Там люди кричали. Большую часть этого я не помню».

Это звучит как правильная вещь.

«Это был человек», — сказал он. «Я не знаю, было ли это правильно. Впоследствии я понял, что не могу смотреть сквозь объектив одинаково».

Клара думала о молодом человеке в отраженном окне, почти скрытом разбитым стеклом. Вам не нужно делать худший момент своей жизни приговором на всю оставшуюся жизнь.

Его взгляд пришел к ней. Это звучит как то, что вы говорите клиентам.

«Нет». Она проглотила. Клиенты платят за менее полезные советы.

Что-то открылось ему в лицо тогда, не полностью, но достаточно, чтобы она почувствовала, как комната меняется вокруг них.

«Моя мать обещала, что наше следующее место будет постоянным», — сказала Клара. «Она каждый раз в это верила. Думаю, это была самая трудная часть. Я научился не винить ее за то, что она ушла, потому что она никогда этого не хотела. Я просто перестал верить, что она останется».

Джулиан ничего не сказал. Он не спешил вписать ее признание в урок. Он просто остался там, где был, прислушиваясь.

Через некоторое время он взял фотографию гавани и передал ей.

«Я почти выбросил их», — сказал он.

«Почему ты этого не сделал?»

Рут сказала, что это то, что люди делали, когда хотели, чтобы их прошлое перестало выдвигать требования.

И что?

Я ненавижу, когда она права.

Клара улыбнулась. Это, кажется, повторяющаяся тема для вас.

Он улыбнулся в ответ. Дождь продолжался против высоких окон. В тусклом хранилище, окруженном свидетельствами жизней, прожитых до того, как кто-либо из них прибыл, Клара почувствовала незнакомый импульс: не сделать момент полезным, не определить его, а защитить.

Джулиан стоял. В голубой папке больше фотографий отелей.

«Я найду их».

У двери он остановился. «Спасибо, что не пытались это исправить».

Она посмотрела вниз на фотографию в руках. Я не думаю, что все сломанное нуждается в исправлении.

Он держал ее взгляд еще одну секунду, потом ушел.

Клара осталась в кладовке еще долго после того, как дождь прекратился. Она нашла синюю папку, но перед тем, как открыть ее, снова взглянула на зимнюю гавань — на маленькую яркую линию Харбор-хауса, отказываясь исчезнуть в погоде.

Глава 7. Лучшее предложение

Клара представила план обновления в четверг утром в небольшом конференц-зале у вестибюля.

Нора сидела на одном конце стола с очками для чтения низко на носу. Матео занял кресло возле окна, руки его сложились и выражение агрессивно нейтральное. Джулиан стоял, а не сидел, что Клара читала как предупреждение.

На экране за ней первый слайд был простым.

Дом-сад не должен быть где-то еще. Нужно решить, что сейчас.**

Клара нажала на следующую страницу.

«Восемьдесят две комнаты слишком много, если половина из них делает опыт менее последовательным», — сказала она. «Мы должны сократить имеющиеся запасы во время ремонта, сначала восстановить самые прочные помещения и взимать за них соответствующую плату. Восточное крыло становится поэтапным проектом, а не водостоком. Бальный зал становится источником дохода, но не через родовые свадебные пакеты».

Руки Джулиана затянулись.

«Продолжай», — сказал он.

«Сезонное отступление. Небольшие конференции. Продовольственные выходные. Местные резиденции художников, в том числе проект реставрации фресок Heloise Park. Матео получает меню, построенное вокруг побережья, а не вокруг того, что отель обслуживал в 1996 году. Мы продаем погоду. Астер Бэй зимой не является препятствием. Это и есть продукт».

Рот Матео подергивался, почти улыбка.

Клара прошла через финансовые прогнозы, кадровые изменения, последовательность обновления. Она ожидала вопросов. Чего она не ожидала, так это тишины после ее окончания.

Тогда Юлиан сказал: «Ты хочешь превратить его в бренд».

Я хочу превратить его в жизнеспособный отель.

«Это жизнеспособно».

Летом он растворяется и пугает до конца года.

Нора закрыла папку. Клара в этом права.

Джулиан посмотрел на нее. Ты тоже?

«Я говорю это на более мягком языке в течение многих лет. Очевидно, более мягкий язык был ошибкой».

«Это не план по сохранению отеля», — сказал он. Это план сделать его приемлемым для людей, которые никогда не заботились об этом.

Клара почувствовала разочарование до прихода гнева. Вы думаете, что люди, которые не выросли здесь, неспособны заботиться?

Я думаю, что они уходят.

«Вот для чего нужны отели», — сказала она. «Приезжают люди. Люди уходят. Место остается, потому что это дает им повод его запомнить».

Его лицо ожесточилось. И когда они уйдут, мы должны быть благодарны за привилегию? Вопрос был не в гостинице. Все в комнате это знали.

Клара закрыла ноутбук. «Я не прошу вас сегодня согласиться. Я прошу вас решить, хотите ли вы получить оценку или подтверждение».

Глаза Джулиана сверкали. Я нанял вас для оценки.

«Нет», — сказала она так же тихо. Нора наняла меня. Совет нанял меня. Вы согласились, потому что думали, что можете держать его в себе».

Нора сказала имя Джулиана однажды, предупреждение. Но он уже повернулся и вышел из комнаты.

Матео ждал, пока дверь закроется. «За что это стоит, — сказал он, — мне понравилась часть еды».

«Высокая похвала», — ответила Клара.

Нора сняла очки. Дайте ему час.

Мне не нужно, чтобы он мне нравился.

«Нет», — сказала Нора. Но вам нужно, чтобы он вас услышал.

В тот вечер Клара стояла одна в дальнем конце крыльца с телефоном, прижатым к уху. Вода была спокойной, небо омыло бледным золотом после дня ветра. Она провела час, избегая звонка Эвана Коула. Теперь она слишком устала, чтобы продолжать.

«Скажите мне, что вы звоните откуда-то из драматического места», — сказала Эван, как только она ответила.

«Массачусетс».

«Очень драматично. Вы носите свитер рыбака и судите о чем-то моллюске?»

Меня пригласили судить о нескольких вещах.

Он рассмеялся. Эван был хорош в том, чтобы сделать работу похожей на частную шутку. Они были коллегами достаточно долго, чтобы он знал форму ее амбиций, те части, которые она никогда никому не доверяла видеть.

«У меня есть новости», — сказал он. Совет хочет расширить партнерскую группу. Я предложил ваше имя».

Клара схватила крыльцо. «Эван».

«Это пока не формально. Но ты должен вернуться пораньше. Есть аккаунт в Новом Орлеане, который вы ведете, и нам нужно будет обсудить цифры».

Партнерство. Равенство. Слово носило чистый, волнующий вес каждой поздней ночи, которую она когда-либо проводила, доказывая, что она заслуживает большего.

«Когда?» — спросила она.

«На следующей неделе».

Я здесь по контракту.

Ваш клиент проживет несколько дней без вас.

Эта фраза беспокоила ее больше, чем следовало бы.

«Я подумаю об этом», — сказала она.

«Сделай это. А Клара?»

«Да»?

«Вы заслужили это».

После окончания вызова она осталась на крыльце, когда последний свет покинул гавань.

«Вы выглядите так, будто кто-то предложил вам дверь», — сказал Джулиан.

Она повернулась. Он стоял в нескольких футах, руки в карманах. Его выражение было усталым, а не оборонительным.

«Это ваши извинения?»

«Это наблюдение».

«Опасная территория для вас».

Его рот коротко поднялся. Я был несправедлив сегодня утром.

«Вы боялись».

И это тоже.

Клара ждала, когда он объяснит. Он этого не делал.

«Партнерское предложение», — сказала она наконец. «В Нью-Йорке».

Однажды он кивнул. «Ты хочешь этого?»

Вопрос был настолько прост, что он снял ее больше, чем похвала.

«Я не знаю», — призналась она.

Джулиан посмотрел на потемневшую воду. Тогда, возможно, вам не стоит отвечать сегодня вечером.

Это ваш профессиональный совет?

«Нет». Он взглянул на нее. Это то, что я хотел бы, чтобы кто-то сказал мне.

Ветер двигался между ними, поднимая край волос Клары. Вдали от берега раздался буйный колокол с терпеливой регулярностью.

Никто из них больше не говорил. Тем не менее, когда Джулиан вернулся внутрь, Клара обнаружила, что наблюдает, пока за ним не закрылась дверь.

Глава 8. Порог

На следующее утро Джулиан пришел в офис Клары с прокладкой и двумя кофе.

Она посмотрела ему в лицо из кубков. «Мне стоит волноваться?»

«Вероятно. Но не о кофе».

Он поставил одну чашку рядом с ее ноутбуком и положил прокладку между ними. Наверху был написан список имен: Нора, председатель консультативного совета, внешний бухгалтер отеля.

«Я говорил с Норой», — сказал он. «И Рут. Она была очень рада получить консультацию, что всегда является ошибкой».

«Что вы решили?»

Чтобы ваш контракт был изменен.

Клара села обратно. «Каким образом?»

«Ваши доклады, оплата и оценка должны направляться Норе и председателю Совета. Не я. Вы должны иметь прямую власть над процессом оценки без моего одобрения».

Она внимательно посмотрела на него. «Это уже то, как я работаю».

Это должно быть явно.

Комната вдруг показалась слишком тихой.

Джулиан встретил ее глаза. «Я не хочу, чтобы возник какой-либо вопрос о том, что вы можете сказать правду о Харбор Хаус. Или что ты мне что-то должен из-за этого».

«Из-за чего?»

Он посмотрел вниз на правовую площадку. Потому что я думал о том, чтобы поцеловать тебя со времен служебного коридора.

Честность его ухватила за ее ребра.

Клара слышала приглушенные звуки отеля под ними: тележка с багажом, смеющийся гость, кто-то, призывающий дополнительные полотенца. Обычная жизнь продолжалась, пока каждый нерв в ее теле осознавал пространство между ними.

«Я тоже об этом думала», — сказала она.

Плечи Джулиана сдвинулись, почти незаметно. Возможно, помощь. Или осторожность.

«Но я не буду стирать свою работу», — продолжила Клара. И я не позволю вам позже решить, что моя рекомендация была скомпрометирована, потому что вы хотели что-то от меня.

«Я не буду».

Вы не можете обещать то, что почувствуете во время трудного решения.

Он так думал. Тогда мы убедимся, что структура не зависит от того, кто из нас совершен.

Это был лучший ответ, чем она ожидала.

К вечеру поправка уже шла. Нора справилась с этим с быстрым удовлетворением. Председатель правления, до которого дошел по видеозвонку, одобрил без драматизма. Клара подписала пересмотренное соглашение в электронном виде, а затем отправила копию своему адвокату в Нью-Йорк.

На закате город провел неформальное собрание в бальном зале — общественную дискуссию о летнем сезоне отеля. Складные стулья заполняли центр комнаты. Матео принес небольшие тарелки жареного хлеба и копченую рыбу. Рут сидела в первом ряду в красном шарфе, задавая неудобные вопросы всем, кто говорил.

Клара слушала, как местные хозяйки, рыбаки, артисты и бывшие сотрудницы говорят о Харбор-Хаусе. Некоторые не хотели ничего менять. Другие хотели лучшей работы, лучшего питания, более круглогодичного бизнеса. Женщина, которая танцевала там в шестнадцать лет, сказала, что бальный зал должен быть открыт для местных детей.

Джулиан стоял в задней части комнаты рядом с Кларой. Он мало говорил. Но он слушал не так, как в конференц-зале, — меньше, чем человек, защищающий границу, больше, как человек, обнаруживший, сколько людей жило внутри нее.

После того, как последнее кресло было сложено и последний гость ушел, Клара подошла к окнам бального зала. Океан был теперь невидим, но она могла слышать его за лужайкой.

«Это важно для них», — сказала она.

«Да».

И не только в качестве гостиницы.

Джулиан стоял рядом с ней. «Я знаю».

Его рука покоилась на подоконнике рядом с ней. Их пальцы были в дюймах друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.